

Водная стихия в символике романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»

© Л. М. БОРИСОВА,
доктор филологических наук

Рассматриваются акватические символы (рыба, вода) и их отражение в символике имени. В ходе анализа уточняются представления М. Горького о народе, интеллигенции, перспективах развития человечества.

Ключевые слова: символы рыбы, воды, символика имени, Левиафан, гностицизм, христианство, иносказание, «Жизнь Клима Самгина».

The article deals with the aquatic symbols (fish, water) and their reflection in a nominal symbolism. In the analysis M. Gorky's idea of people, intelligentsia and the people's evolution perspective are specified.

Key words: symbols of fish, symbols of water, nominal symbolism, Leviathan, Gnosticism, Christianity, parable, «Life of Klim Samgin».

Для идиостиля Горького в «Жизни Клима Самгина» чрезвычайно характерны интригующие лейтмотивы и лейтмотивные символы. Один из них связан с эпизодом ловли несуществующего сома. Лютов, которому принадлежит идея этого представления, затеял его с единственной целью – избавить воспитанную народниками интеллигенцию от слепой веры в *народушку*. Рыба – многозначный символ в мифологии разных народов, у первохристиан это символ Иисуса Христа [1]. Но у горьковского мужика никакого чудо-сома нет. Климу удалось разглядеть в воде только отражение огня, похожее «на золотую рыбу с множеством плавников». Но уж кто-кто, а Горький-то знал, как умеет мужик обращаться с огнем, с каким злорадством попаляет он интеллигентские иллюзии, среди которых самая большая – о мужике-Богоносце. В «Моих университетах» писатель вспоминает, как ярко горела их с Ромасём лавка: «<...> Мимо окна лилась, заглядывая в него, рыжая струя огня, <...> по ступенькам вползали багровые змеи <...>. В слуховое окно

над лестницей заглянула рыжебородая, желтая рожа, судорожно искривилась, исчезла, и тотчас же крышу пронзили кровавые копыя пламени». «А в туче дыма всё еще летали, точно голуби, страницы наших книг» [2].

По Горькому, «сом» был у революционной интеллигенции, он зашифрован в фамилии героини, которую не случайно зовут Любовь Сомова. В романе не раз говорится о том, что революционная идея была ее верой, и подчеркивается жертвенное начало в характере Любаши: то она с воспалением легких возвращается с очередного задания и тут же включается в политический спор, то ее, больную, арестовывает полиция. Растратив здоровье в бесконечных революционных акциях, Сомова совсем молодой умирает в «Крестах».

Что же касается народа, то в 1905 году, в день похорон Баумана, вместо чаемой золотой рыбки русский интеллигент увидит на улицах Москвы морское чудовище. «На Театральную площадь выползла красная голова небывалого и неестественно плотного тела процессии. <...> Над головою толпы колебалось множество красных флагов <...>. Но чем дальше на площадь выползал черный Левиафан, тем более было флагов, и теперь они уже напоминали красную чешую на спине чудовища. <...> в тишине он услышал, что чудовище ползет молча...» [Т. 22. С. 659–670]. Описание библейского Левиафана содержится в книге Иова: «Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости» (Иов 41: 2, 25–26). Трудно найти образ, который бы так совпадал с горьковским идеалом личности – гордым человеком, Человеком, сверхчеловеком, человекобогом. Книга Иова была любимым чтением Горького, «всегда читаю ее с величайшим волнением, а – особенно, 40-ю главу, где Бог поучает человека, как ему быть боговатым и как спокойно встать рядом с Богом», – писал он В.В. Розанову [3].

Писатель наделяет народ новой верой. Носительницей ее выступает в романе Марина Зотова, которая в какой-то момент встанет перед Самгиным «гладкая и гибкая, точно большая рыба» [Т. 23. С. 251]. Сравнение для Горького, кажется, вполне обычное. В его портретах человеческие черты часто мешаются с признаками всякого рода тварей, и рыбы глаза, рты – один из самых распространенных мотивов такого рода. Как правило, это свидетельствует о недоволенности человека, его несоответствии заданному образцу, но случай с Мариной особый. Загадочная купчиха, оставаясь реалистическим характером, одновременно является в романе аллегорией России, олицетворяет ее таинственную душу [4]. Вера Марины – синтез разных религиозно-философских учений на основе одного: «Тебе охота знать, верую ли я в бога? Верую. Но – в того, которого в древности звали Пропатор, Проарх, Эон, – ты с гностиками знаком?» [Т. 23. С. 196].

Нельзя не обратить внимания на морское имя горьковской героини и то, что в девичестве эта Марина – Премирова (на символический смысл

фамилии указывает А. Эткинд [5. С. 505]). В гностической мифологии, как и во всех других мифологиях мира, вода – первоначало, исходный элемент материи, первобытный хаос [6]. Ю. Н. Данзас (некоторые исследователи считают ее прототипом Зотовой) в очерках по истории гностицизма, изданных под псевдонимом Юрий Николаев, пишет: «... отделяя себя и свою духовную сущность от мира, посвященные называли себя *рыбами, плавающими в воде* (курсив автора. – Л.Б.). Таинственной Рыбой, плавающей среди материи, было и Само Божественное Начало, раздробленное в низшем мире» [7].

В одном из важнейших гностических первоисточников, диалоге «Поймандр» «Герметического свода» Гермеса Трисмегиста акт творения описывается следующим образом: «Святое Слово спустилось из Света и покрыло Природу, чистый огонь восстал из влажной Природы ввысь к тонкому миру <...>. Земля и вода оставались на месте перемешанными настолько, что через одно не было видно другое, и непрерывно получали воздействие дыханием Слова <...>». Ум, Отец всего сущего, Свет породил себе Человека. «Природа улыбнулась от любви, узрев отражение благолепия Человека в воде и его тень на земле», и он увидел «собственное отражение в воде» [8].

К этому мифу отсылают у Горького некоторые детали в сцене хлыстовского радения. Круг света на поверхности воды в чане и бесформенная тень в центре круга – первое, что увидел герой, заглянув в щель занавески, отделявшей его от комнаты радений. «Какой-то фокус», – соображает Клим. Высоко под потолком он разглядел лампу в черном колпаке, а под ней что-то вроде птицы, отбрасывавшее тень на воду. «Не очень остроумно», – думает Самгин про кустарный реквизит (символ гностического символа), с помощью которого в Русьгороде разыгрывают соединение Света-Духа с Водой-Материей. Между тем, скептик, как загипнотизированный, не может оторвать глаз от «светлого круга воды в чане».

С водой во всех культах связаны мотивы очищения, посвящения, второго рождения [6]. Последний, с точки зрения горьковской идеологии, особенно важен. Гностический подтекст снимает, казалось бы, непримиримое противоречие в характере горьковской героини – наполовину реалистическом, наполовину метафизическом. Одна Марина «тихо, но сурово» говорит: «Какой мужчина нужен, чтобы я от него детей понесла?» [Т. 23. С. 396], другая «детей – не любила и не хотела» [Т. 24. С. 179]. Однако нет никакого противоречия в том, что девица Премирова, мечтающая дать жизнь новому человечеству, отказывается продолжать рабский род людской.

Вода определяет метафорику всей сцены хлыстовского радения. Его участники изгибаются, «точно ныряя в воду»; упавших выносят из круга и погружают «в темноту, точно в воду»; от топота множества ног пол

в комнате «волнообразно взбухает и опускается точно палуба», не давая забыть о том, что Зотова – кормчая корабля. Апогеем действия становится момент, когда двое радеющих под крики «Ой – дух, ой – свят!» легко подняли Марину и погрузили ее в чан – «вода выплеснулась через края и точно обожгла ноги людей, – они взвыли, закружились еще бешенее» [Т. 23. С. 389].

Примечательная декорация выбрана Горьким для этой мистерии: «<...> окна нижнего этажа были частью заложены кирпичом, частью забиты досками, в окнах верхнего не осталось ни одного целого стекла, над воротами дугой изгибалась ржавая вывеска, но еще хорошо сохранились слова: “Завод искусственных минеральных вод”» [Там же. С. 380]. Не оправдавшее себя предприятие, завод искусственных минеральных вод – одновременно знак тупика в развитии человечества и символ мертвой воды. А на то, что Маринина вода – живая, указывает в романе судьба Нехаевой. Самгин не узнал в женщине, птицей носившейся вокруг чана, чахоточную подругу своей студенческой юности. Марина говорит о ее метаморфозе с иронией, но не без гордости: «Вот тебе и Фимочка! Умирала, умирала и вдруг – разбогатела...».

Наконец, по Юнгу [9], вода – символ бессознательного. На первый взгляд, к Горькому с его культом разума это не имеет никакого отношения. Однако в рассказах 1922–1924 годов и в «Жизни Клим Самгина» подсознание становится объектом самого пристального писательского внимания. Погруженный в самоанализ, надеясь найти хоть какое-то объяснение собственному провокаторству, герой рассказа «Карамора» так определяет свое состояние: «Я сам в себе, как рыба в бредне» [Т. 17. С. 367]. Он вспоминает действие, произведенное на него социалистической пропагандой: «<...> чувствую: замутил еврейчик мою воду» [Там же. С. 368], а о деградации личности во время войны говорит: «<...> человеческое соскочило с людей, как чешуя с протухшей рыбы» [Там же. С. 397]. В «Жизни Клим Самгина» про неспособность интеллигента выразить свое сокровенное сказано: «Человек бьется в словах, как рыба в песке» [Т. 22. С. 505].

Чистая психическая энергия, бессознательное – база, на которой строит свою веру Марина Зотова: «Это – не разум, а сила,двигающая разумом из глубины чистейшего духа, отрешенного земли и плоти...» [Т. 23. С. 197]. Все богословы (по Горькому, богостроители) Серебряного века вслед за В. Соловьевым исповедовали религию Духа. Марина не исключение из правила. Тот же Юнг в «Эоне» проводит параллель между подобными настроениями своих современников и учением средневековых сект, проповедовавших «смену христианского Евангелия “Евангелием Вечным” или второго Лица Троицы третьим» [10]. Проследив истоки этого движения, ученый по-своему объясняет этимологию символа рыбы применительно к Иисусу Христу, усматривает здесь

астрологическую подоплеку. Согласно некоторым источникам, пришествие Мессии ожидалось под знаком Рыб. В герметических сочинениях первых лет христианства, как отмечает Юнг, символ рыбы относился не только к Спасителю («всякому сведущему в астрологии было ясно, что <...> он был рожден как первая Рыба эпохи Рыб» [9]), но и к Его антиподу (вторая Рыба). Этот двусмысленный символ, пожалуй, устроил бы горьковских героев с характерным для них отношением к Христу: «Мы тебя и ненавидя – любим, / Мы тебе и ненавистью служим». Гностические астрологи предрекали человечеству эсхатологическую битву рыб, а затем полное обновление мира. Воинствующее антихристианство Марины и перевернутое распятие в углу ее дивана (наблюдение А. Эткинда [5. С. 507]) не позволяют ошибиться в том, какого рода рыба пытается подчинить своему влиянию Русьгород.

«Водяные знаки» составляют лишь малую часть символики «Самгина», но и приведенных примеров достаточно, чтобы заметить ее системность. А это в свою очередь позволяет думать, что иносказание – ключ ко многим загадкам горьковского романа-завещания [11].

Литература

1. Соколов М.Н. Рыба // Мифы народов мира. В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 393.
2. Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. М., 1974. Т. 16. С. 123–124, 126. Далее указ. только том и стр.
3. Горький М. Полн. собр. соч. Письма в 24 томах. М., 2003. Т. 10. С. 9.
4. Борисова Л. «Двоеточие», «колокол», «нить», или Клим Самгин как аллегория // Вопросы литературы. 2015. № 2.
5. Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998.
6. Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира. В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 240.
7. Николаев Ю. В поисках Божества. К., 1995. С. 36–37.
8. Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. К. – М., 2001. С. 14, 16–17.
9. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 109.
10. Юнг К.Г. Эон: Исследования о символике самости. М., 2009. С. 103.
11. Борисова Л.М. Иносказание в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Русская речь. 2014. № 1.

*Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского*